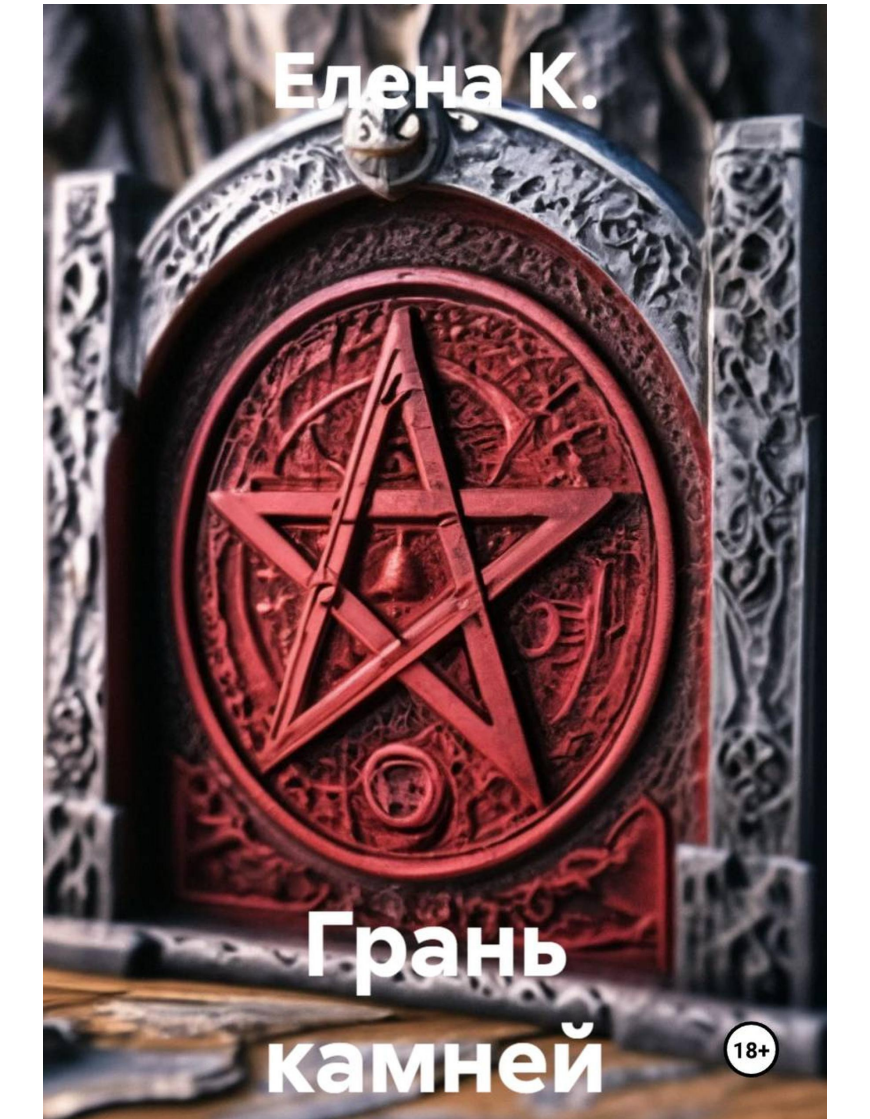

Елена К.

Грань
камней

18+

Елена К. Грань камней

<https://litres.ru/74624729>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Город перестал быть безопасным. Что-то растёт в его тени — узел из чужих страхов, постов и призывов, который питается любопытством и вниманием. Лия, Миша и их друзья думали, что смогут его остановить. Но узел становится сильнее: он открывает двери к непостижимому, искажает символы, пробуждает древних сущностей — от Печати Соломона до Бафомета. В мире, где ритуалы творятся через прямые эфиры, есть жертвы. Герои сталкиваются с собственными страхами, и каждый их шаг лишь питает тьму. Здесь нет героев — только те, кто слишком хотел знать правду. Современный хоррор на стыке телесности и цифрового кошмара — для тех, кто готов заглянуть за грань и не уверен, что захочет вернуться.»

Содержание

Глава о сопадениях.	4
Глава 1. Дорога к Пустозерью	5
Глава 2. Каменный круг	14
Глава 3. Ритуал	20
Глава 4. Школа на краю болот	27
Глава 5. Дневник Орлова	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена К.

Грань камней

Глава о сопадениях.

Все имена, персонажи, места и события, описанные в этой книге, являются плодом воображения. Любые совпадения с реальными людьми, городами или происшествиями — чистая случайность.

Но если вдруг ты, читатель, почувствуешь, что где-то слышал эти слова раньше... или увидишь похожий символ на старой стене... или тебе покажется, что лента новостей будто шепчет твоё имя — не поддавайся любопытству.

Глава 1. Дорога к Пустозерью

Дождь шёл уже третий день, но Лия вдруг поняла: он не просто лил — он *сдира*л. С асфальта, с деревьев, с самой реальности. Капли падали не как вода, а как крошечные лезвия, срезая лишние детали: номера домов, названия улиц, даже воспоминания о том, как эта дорога выглядела раньше. Асфальт местами исчез вовсе — его сменили бетонные плиты, разъехавшиеся, как гнилые зубы в огромной, усталой пасти.

Машина — подержанный кроссовер с наклейкой «Экспедиция: этнография и полевые записи» — ползла по этой дороге, будто боялась спугнуть тишину. Но тишина здесь не была союзником. Она была хищником, который притворялся пустым пространством.

За рулём сидела Лия Семёнова, 32 года, старший научный сотрудник кафедры фольклористики. Её пальцы побелели на руле — не от напряжения, а от холода, который пробирался не снаружи, а изнутри, как будто кровь постепенно становилась льдом. Взгляд то и дело цеплялся за обочину, где среди мокрого папоротника мелькали странные метки — не то старые дорожные знаки, не то самодельные кресты из веток, перевязанных бечёвкой. На некоторых из них ткань потемнела и слиплась, будто её пропитывали не смолой, а кровью.

Навигатор молчал уже сорок минут. Экран погас не резко,

а постепенно, будто кто-то медленно стирал карту пальцем, начиная с Пустозерья — оно просто исчезло из цифрового мира.

— Опять петля, — пробормотал Толик с заднего сиденья, щёлкая камерой. Он снимал приборную панель, капли на лобовом, даже собственные руки, будто пытался зафиксировать реальность, пока она не рассыпалась. Но в видеоискателе всё выглядело чуть-чуть не так: цвета были глубже, тени — гуще, а в отражении стекла на секунду проступали чужие лица — искажённые, с вытянутыми чертами. — Мы проезжали этот поваленный столб. Я его снимал.

Миша, сидевший рядом с ним, не поднял головы. Он возился с рекордером, настраивал микрофоны, проверял уровни. Но Лия знала этот его жест — он так делал, когда хотел не слышать. Не просто не слушать, а *отрезать* звук, будто мог физически отделить себя от того, что надвигалось.

— Не может быть, — сказала она, хотя сама чувствовала, как время здесь будто растянулось, как старая резинка, которую слишком сильно натянули. — Дорога петляет.

— Дорога не петляет, — спокойно ответил Миша, наконец поднимая глаза. В них было что-то новое — не страх, а признание. — Это мы кружим. Мы идём по следам, которые оставили сами. Только следы теперь... шевелятся.

В этот момент машина выехала на короткий прямой участок, и впереди, за мокрым маревом, показалась табличка. Старая, ржавая, с облупившейся краской: «Пустозерье. 12

км». Но под ней, криво прибитая гвоздями, была ещё одна табличка — самодельная, из фанеры, почерневшей от дождей. На ней корявыми буквами было выведено: «Не зови. Не ищи. Не стой». Буквы будто были не вырезаны, а выдавлены чем-то острым, и в трещинах застыли крошечные тёмные капли.

Толик засмеялся — коротко, нервно, как смеются, когда хотят доказать себе, что ещё не сломлены. — Отлично. Прямо как в кино. Кто-то очень хотел, чтобы мы сюда не ехали.

Лия сбавила скорость. Ей вдруг стало холодно, хотя печка работала на максимум, и горячий воздух обжигал лицо. Холод шёл не от погоды — он шёл от самой дороги, от земли, которая, казалось, дышала под колёсами.

— Это не предупреждение, — тихо сказала она, глядя на табличку. — Это... инструкция. И её писали не для нас. Её писали для того, что живёт здесь. Чтобы оно знало, чего от нас ждать.

Они въехали в Пустозерье ближе к вечеру, хотя по часам прошло всего полтора часа с тех пор, как увидели табличку. Деревня будто не хотела, чтобы её находили. Дома стояли плотно, прижавшись друг к другу, как будто искали защиты. Крыши были покрыты старым шифером, местами прогнившим, местами сорванным ветром, и края листов торчали, как сломанные ногти. Окна — тёмные, некоторые заколочены досками, причём доски были прибиты не снаружи, а изнутри.

На единственной улице никого не было. Даже собак не было слышно. Только дождь стучал по крышам, да где-то далеко, за лесом, гудел, будто стонал, ветер. Но этот стон был не ветром. Он был *голосом* — низким, вибрирующим, как звук, который рождается не в воздухе, а в костях.

— Здесь кто-то живёт? — спросил Толик, опуская камеру. Впервые за день он выглядел не циничным, а просто уставшим — как человек, который слишком долго притворялся, что всё под контролем.

— Конечно, — ответила Лия, хотя сама в это не верила. Слова прозвучали как заклинание, которое она повторяла, чтобы не сойти с ума. — У нас назначена встреча. С местной жительницей, Анной Петровной. Она единственная, кто согласился говорить.

Дом Анны Петровны стоял на окраине, у самого леса. Он был выше и крепче остальных, с резными наличниками, потемневшими от времени. Но резьба была странной: узоры не напоминали цветы или птиц, а складывались в сложные, почти анатомические линии — переплетения вен, изгибы позвоночника, очертания раскрытых ртов. На крыльце висели пучки сухих трав, но листья были скручены так, будто их высушили не на солнце, а в темноте, под чьим-то пристальным взглядом. Над дверью — ржавый железный крест, такой тяжёлый, будто его повесили не для красоты, а чтобы удержать что-то внутри. Или не дать чему-то проникнуть.

Анна Петровна открыла дверь, не дожидаясь стука. Она

стояла в проёме, высокая, прямая, в тёмном платке, и смотрела на них так, будто знала, что они приедут, и не была этому рада. В её глазах была не усталость, а древняя, тяжёлая память — как у человека, который видел слишком много и теперь не мог забыть ни одной детали.

— Вы опоздали, — сказала она, не приглашая войти. — Солнце садится.

— Мы... дорога была плохая, — начала Лия.

— Дороги здесь всегда плохие, — отрезала Анна Петровна. — Но вы ехали не по дороге. Вы ехали по следам. А следы здесь... помнят.

Толик снова поднял камеру, но женщина резко махнула рукой, и в этом жесте было столько силы, что Толик невольно отшатнулся.

— Уберите. Здесь не снимают. Здесь не записывают. Здесь только слушают.

Миша тихо опустил рекордер. Металл в его руке казался чужим, как будто прибор вдруг стал тяжелее, будто впитал в себя вес того, что хотел записать.

— Слушают что? — спросил он.

Анна Петровна посмотрела на него долгим взглядом, а потом шагнула в сторону, наконец позволяя им войти. Но в её движении было не гостеприимство, а обречённость — как будто она открывала дверь не для них, а потому что дверь всё равно должна была открыться.

— То, что отвечает, — сказала она. — Когда перестаете

шуметь.

Внутри пахло сушёной мятой, старым деревом и чем-то ещё — тяжёлым, будто из подпола поднимался сырой, нежилой запах, в котором смешивались плесень, железо и что-то, похожее на запах крови после долгого хранения. На стене висели выцветшие фотографии, на которых лица будто стёрты или закрыты тканью. Но ткань не лежала ровно — она была натянута, как кожа, и местами на ней проступали крошечные, почти невидимые стежки. На полке стояли банки с травами, а между ними — маленькие глиняные фигурки, безликие, с грубо вылепленными руками, поднятыми вверх. Пальцы у фигурок были неестественно длинными, а на ладонях виднелись крошечные углубления, будто кто-то выжигает на них символы раскалённой иглой.

— Садитесь, — сказала Анна Петровна, кивнув на лавку у стола. — Чай сейчас будет.

Лия хотела что-то сказать, спросить про каменный круг, про легенды, но Анна Петровна подняла руку, останавливая её.

— Сначала чай. Потом слова. Здесь слова тяжёлые. Их не бросают просто так. Они... падают. И когда падают, оставляют следы.

Пока она гремела посудой у печи, Лия заметила на подоконнике старую жестяную банку, плотно обмотанную чёрной ниткой. Рядом лежала записка, написанная корявым почерком: «Не открывать. Если открыли — не нюхать». Нит-

ка была не просто намотана — она была завязана сложным, почти хирургическим узлом, и на каждом витке виднелись крошечные капли чего-то тёмного, похожего на смолу или засохшую кровь.

Миша, который стоял ближе всех к подоконнику, тихо наклонился к Лие и прошептал: — Ты это видишь?

Она кивнула. — Вижу.

— А знаешь, что хуже? — так же тихо сказал он. — Я слышал, как эта банка щёлкнула. Будто кто-то внутри дёрнул нитку. И... я чувствую запах. Не травы. Не металла. А как будто... кожи. Горячей кожи.

Лия посмотрела на банку. Та стояла неподвижно. Но на металле, там, где её касались пальцы, проступили крошечные вмятины — будто кто-то изнутри пытался выбраться, но остановился на полпути.

— Тебе показалось, — прошептала она, но голос прозвучал слишком громко в этой тягучей тишине. И тишина ответила — не звуком, а давлением, как будто воздух стал гуще и тяжелее.

Анна Петровна резко обернулась от печи, посмотрела на банку, потом на Мишу. В её глазах мелькнуло что-то, похожее на жалость — но не к Мише, а к тому, что уже началось.

— Оно слышит, когда его зовут, — сказала она спокойно, ставя на стол три чашки. — Даже если зовут не вслух. Даже если просто думают о нём. Оно питается не криками. Оно питается любопытством.

Толик, который всё это время стоял у двери, вдруг тихо спросил: — Кто — оно?

Анна Петровна поставила третью чашку, самую маленькую, и села напротив них. — Те, кто здесь был раньше, — сказала она. — Те, кто не ушёл. Те, кого не звали, но кто пришёл. Они не любят гостей. И не любят, когда их снимают. Они любят... внимание. Любое. Даже страх — это тоже внимание.

Лия почувствовала, как по спине пробежал холодок, не от сырости, а от понимания, что они уже не просто исследователи, а нарушители. И что самое страшное — они сами принесли с собой то, что нужно этому месту: свои вопросы, свои записи, свои попытки всё объяснить.

— Мы не хотели никого тревожить, — сказала Лия. — Мы просто собираем материал. Для науки.

Анна Петровна усмехнулась — не зло, а устало, как смеются люди, которые слишком много раз пытались объяснить то, что нельзя объяснить, и теперь знают, что слова — это просто шум. — Наука тут не поможет, — сказала она. — Тут не факты нужны. Тут нужно знать, когда молчать. Потому что есть вещи, которые... ждут, когда их назовут. И как только ты дашь им имя, они становятся реальными. Не для тебя. Для них.

И в этот момент в доме стало тихо — не просто отсутствие звуков, а тишина, которая давит, будто воздух стал гуще. Миша потянулся к рекордеру, но замер, не дотронувшись.

Металл под его пальцами стал тёплым — неестественно тёплым, как будто прибор начал жить своей жизнью.

— Слышите? — прошептал он.

Все замолчали. И тогда Лия поняла, что он имеет в виду: тишина здесь была не пустой. В ней что-то шептало. Не слова — а ощущения. Холод, который касался кожи. Давление, которое сжимало виски. И где-то глубоко, почти неслышно, — ритм. Не сердцебиение. А что-то другое. Медленное, тяжёлое, как дыхание огромного существа, которое лежало под домом и ждало.

Банка на подоконнике тихо звякнула — один раз, коротко, как будто кто-то дёрнул за нитку изнутри. И на стекле окна, прямо напротив банки, медленно проступила тонкая, едва заметная линия — как след от капли, только капля двигалась не вниз, а вверх.

Глава 2. Каменный круг

Утро выдалось не по-осеннему ясным, будто небо решило напоследок показать, каким оно бывает, прежде чем снова затянуться свинцом. Но в Пустозерье даже солнце казалось чужим — слишком резким, слишком белым, будто свет не согревал, а высвечивал трещины в мире.

Лия проснулась первой. В доме Анны Петровны пахло теперь не мятой, а чем-то затхлым, будто из подпола поднялся старый, забытый запах. Она выглянула в окно: двор был пуст, но на сырой земле у крыльца виднелись следы — не человеческие. Они напоминали отпечатки босых ног, но пальцы были неестественно длинными, а пятки — почти заострёнными. Лия замерла, потом тихо прикрыла занавеску.

Толик уже сидел на лавке, натягивал ботинки и бормотал себе под нос: — Если сейчас опять окажется, что мы никуда не уехали, я сойду с ума.

Миша возился с рекордером, лицо у него было серое. — У меня запись пропала, — сказал он, не поднимая глаз. — Та, что я делал вчера вечером. Просто ноль. Будто кто-то стёр.

— Не говори ерунды, — машинально ответила Лия, хотя сама чувствовала, как внутри всё сжимается от этого «будто».

Анна Петровна появилась в дверях, как всегда — беззвучно. На ней был тот же тёмный платок, но теперь поверх него

она накинула старую шаль с выцветшими цветами. — Идите, — сказала она. — Пока светло. К кругу. Но ничего не трогайте. И не зовите.

— А если мы просто посмотрим? — спросил Толик, поднимая камеру.

Женщина резко покачала головой: — Здесь смотреть — значит приглашать. Оставьте технику здесь.

Толик открыл рот, чтобы возразить, но Миша тихо положил руку ему на плечо: — Пусть так. Возьмём только фонарик и диктофон. Без записи. Просто слушать.

Анна Петровна кивнула, будто одобрила именно эту часть — «просто слушать».

Тропа к каменному кругу начиналась за огородом, там, где лес подступал к деревне вплотную. Деревья здесь росли странно — стволы изгибались, будто их тянуло в одну сторону, а ветки торчали под неестественными углами, как скрюченные пальцы. На стволах кое-где виднелись метки: глубокие царапины, похожие на руны, и пучки сухой травы, привязанные бечёвкой.

Шли молча. Лия шла первой, крепко сжимая в руке фонарик, хотя день был светлым. Толик держался позади, то и дело оглядываясь, будто ждал, что за спиной кто-то шевельнётся. Миша замыкал цепочку, прислушиваясь к каждому шороху.

Через полчаса тропа вывела их на небольшую поляну. И там, в центре, стоял каменный круг.

Он не был похож на аккуратные мегалиты из учебников. Камни здесь были тёмными, почти чёрными, будто впитали в себя сырость и мрак. Они стояли неровно, некоторые наклонены внутрь, будто склонялись друг к другу, образуя что-то вроде воронки. Между камнями тянулись тонкие трещины, из которых сочилась едва заметная белёсая дымка — не пар, а будто сама тишина стала видимой.

В центре круга, на утопанной земле, лежала каменная чаша — грубо вытесанная, с неровными краями. На её поверхности виднелись выщербленные знаки, напоминающие древние буквы, но ни на один известный алфавит они не походили.

Лия остановилась на границе круга, чувствуя, как воздух здесь становится гуще, словно его можно было потрогать. — Не заходите, — тихо сказала она, хотя сама уже шагнула вперёд. — Давайте просто посмотрим.

Толик сделал шаг следом, поднял голову, вглядываясь в изгиб камней. — Знаешь, — прошептал он, — тут как будто... эхо нет. Я слышу свои шаги, но они не отражаются. Как будто земля их съедает.

Миша присел на корточки у одного из камней, провёл пальцем по трещине. И вдруг резко отдернул руку. — Холодный, — выдохнул он. — Камень тёплый не бывает, но этот... он ледяной. И будто вибрирует.

Лия подошла к чаше. Ей хотелось коснуться её, чтобы убедиться, что это просто камень, что всё это — игра света,

сырости и нервов. Но рука замерла в сантиметре от поверхности. В этот момент она услышала голос.

Не слова — скорее шёпот, который складывался в ритм. Он шёл не снаружи, а будто изнутри, из самой чаши, из трещин между камнями, из воздуха. И шёпот повторял одно и то же, на незнакомом языке, но смысл пробивался сквозь звуки: *«Ты пришла. Ты пришла. Ты пришла»*.

Толик вдруг схватился за ухо, поморщился. — Что это? — хрипло спросил он. — У меня в голове... как будто кто-то шепчет.

Миша уже не слушал. Он смотрел на чашу, и в его глазах было что-то похожее на узнавание. — Это не ветер, — сказал он. — Это... ответ.

И в этот момент чаша дрогнула. Совсем чуть-чуть, как будто вздохнула. Из трещин вырвалась более густая дымка, закружилась вокруг камней, и на секунду Лие показалось, что очертания камней поплыли, будто она смотрела сквозь воду.

А потом из тени между двумя валунами вышла фигура.

Она не была похожа на человека. Это было нечто, сотканное из сумрака и холода, с длинными, тонкими конечностями и головой, которая казалась слишком большой для тела. Фигура не двигалась резко — она просто появлялась то тут, то там, будто пространство само выталкивало её в разные точки круга.

Толик закричал — коротко, по-звериному, и бросился на-

зад, спотыкаясь о корни. Лия хотела побежать за ним, но ноги будто приросли к земле. Фигура медленно повернулась к ней, и Лия увидела, что у неё нет лица — только тёмная пустота, в которой кружились искры, похожие на звёзды.

Миша шагнул вперёд, будто хотел что-то сказать, но фигура подняла руку — и воздух между ними стал тяжёлым, густым, как смола. Миша замер, хватая ртом воздух, а потом тихо, почти беззвучно, прошептал: — Прости.

Фигура сделала шаг к нему. И в этот момент из леса донёсся резкий, пронзительный крик — не человеческий, но и не звериный. Фигура замерла, повернула голову в сторону леса, и на мгновение её очертания дрогнули, будто она стала менее плотной.

Из-за деревьев выскочила Анна Петровна. В руках у неё был пучок травы и ржавый нож. Она встала между фигурой и ребятами, широко раскинув руки, и выкрикнула длинную фразу на старом, гортанном наречии — слова звучали как заклинание, грубое и тяжёлое, будто каждое из них было камнем.

Фигура отступила на шаг, потом ещё один, растворяясь в тени между камнями. Дымка, кружившаяся над чашей, стала тоньше, а потом и вовсе исчезла.

Анна Петровна опустила руки, тяжело дыша. Её лицо было бледным, но спокойным. — Вы звали, — сказала она, глядя на Лию. — Даже если не вслух. Даже если просто хотели знать. Здесь это одно и то же.

Лия почувствовала, как к горлу подступает тошнота. — Мы не хотели... — начала она.

— Хотели, — спокойно перебила Анна Петровна. — Иначе бы не пришли. А теперь слушайте: уходите. Сейчас. Пока оно помнит, что его прогнали. Завтра оно будет ждать.

Миша, всё ещё дрожа, поднялся на ноги. — Кто это был? — прошептал он.

Старуха посмотрела на каменный круг, на чашу, на трещины между валунами. — Те, кто был здесь раньше, — сказала она. — Те, кого не звали, но кто пришёл. Они не любят гостей. И не любят, когда их снимают.

Они шли обратно по тропе, почти бегом, спотыкаясь о корни, хватаясь друг за друга. Лия всё время оглядывалась, ожидая увидеть тень между деревьями, но лес был тихим — слишком тихим, будто даже птицы перестали петь.

Когда деревня показалась впереди, Толик остановился, прислонился к дереву и закрыл лицо руками. — Я слышал, — пробормотал он. — Я слышал, как оно называло меня по имени. Но это было не моё имя.

Миша положил руку ему на плечо, но сам смотрел не на друга, а на свои ладони, будто пытался понять, настоящие ли они.

Лия стояла, глядя на дом Анны Петровны, и чувствовала, как реальность вокруг становится хрупкой, как тонкий лёд. Она знала: они не смогут просто уехать. Потому что теперь Пустозерье знало их имена. И ждало.

Глава 3. Ритуал

Ночь накрыла Пустозерье плотным, тяжёлым покрывалом. Даже луна пряталась за слоями туч, будто не хотела видеть, что будет происходить на поляне у каменного круга. Лия шла первой, но теперь не потому, что была главной — просто если кто-то должен был сделать первый шаг в эту тьму, пусть это будет она. Её пальцы до белизны сжимали фонарик, луч которого казался жалкой, смешной попыткой удержать реальность.

Толик и Миша шли следом, почти вплотную, будто боялись, что темнота разорвёт их по одному. Толик больше не снимал — камера осталась в доме Анны Петровны, запертая в рюкзаке, как что-то опасное. Но он всё равно машинально тянулся к карману, где раньше лежал пульт от камеры, и вздрагивал, нащупывая только ключи и смятую квитанцию.

Анна Петровна шла последней. Она не пыталась их остановить, не уговаривала, не читала нотаций. Просто шла, сгорбившись, опираясь на палку, и время от времени тихо шептала себе под нос какие-то обрывки фраз — не молитвы, не заговоры, а скорее напоминания, которые она повторяла годами, чтобы не забыть.

— Вы точно этого хотите? — спросила она, когда круг камней показался впереди, тёмной раной на фоне земли. — Потому что после этого дороги назад не будет. Даже если вы

побежите, оно будет знать, где искать.

Лия остановилась на границе поляны. Её голос звучал хрипло, будто слова царапали горло: — Мы должны понять, с чем имеем дело. Если это... Белиал... если он здесь, мы должны знать правила.

Анна Петровна усмехнулась без веселья: — Правил нет. Есть только цена. И она всегда выше, чем кажется.

Ритуал не был похож на то, что Лия видела в фильмах или читала в дешёвых оккультных брошюрах. Здесь не было свечей в форме пентаграмм, не было чёрных мантий. Всё было до ужаса обыденным — и оттого ещё более страшным.

На земле вокруг чаши Анна Петровна расставила старые жестяные банки, наполненные чем-то тёмным и вязким — похоже, смесью смолы, золы и перетёртых трав. Между банками она положила камни, выложенные в неровный узор, напоминающий сломанную спираль. В центре, прямо над чашей, старуха подвесила на ржавой проволоке маленький глиняный колокольчик — такой хрупкий, что казалось, он рассыплется от первого же ветра.

— Это не призыв, — сказала Анна Петровна, заметив, как Лия смотрит на колокольчик. — Это... крючок. Он звенит не звуком, а памятью. Те, кто был здесь раньше, помнят этот звон. И если они захотят прийти — они придут.

Миша стоял в стороне, прижав ладони к ушам, хотя вокруг было тихо. — Я слышу, — прошептал он, глядя на чашу. — Как будто внутри что-то шевелится. Как будто оно

ждёт.

Толик нервно сглотнул: — А жертвы? Ты говорила про жертвы. Что нужно?

Анна Петровна подняла на него тяжёлый взгляд: — Не кровь. Не мясо. Здесь ценят другое. Здесь берут то, что ты не сможешь потом вернуть.

Она подошла к Лие и протянула ей старую, потёртую тетрадь в коричневом переплёте. — Это мои записи. Всё, что я знала. Всё, что помнила. Это пойдёт в чашу. Как плата за вопрос.

Лия взяла тетрадь, чувствуя, как её пальцы становятся ледяными. — А если этого мало?

Старуха посмотрела на неё долго, будто пытаясь прочесть что-то за её глазами. — Тогда оно спросит у тебя что-то своё. И ты отдашь. Не потому что хочешь, а потому что не сможешь не отдать.

Когда все приготовления были закончены, Анна Петровна встала в центре круга, подняла руки и начала говорить. Это был не язык, который Лия знала. Слова звучали грубо, горланно, будто каждое из них было выточено из камня и покрыто ржавчиной. Они не складывались в предложения — они били, как удары, и воздух между камнями дрожал от каждого звука.

Миша вдруг рухнул на колени, хватая ртом воздух. — Оно... оно слышит, — выдохнул он. — Оно уже здесь.

Толик хотел броситься к нему, но Анна Петровна резко

махнула рукой, не прерывая своего заклинания: — Не двигайся. Любое движение — это приглашение.

В этот момент колокольчик тихо звякнул — не от ветра, а сам по себе. Звук был тонким, почти детским, но в нём слышалось что-то древнее, безжалостное. Из трещин между камнями потянулась та самая белёсая дымка, но теперь она была гуще, плотнее, будто в ней плавали крошечные искры.

Чаша в центре круга начала медленно вращаться, хотя никто её не касался. Её края потемнели, стали почти чёрными, а внутри появилась густая, маслянистая тень, которая пульсировала в такт словам Анны Петровны.

И тогда из этой тени поднялся голос. Он не принадлежал ни человеку, ни зверю. Он был соткан из шёпота тысяч голосов, которые говорили одновременно, перекрывая друг друга, и всё же в этом хаосе можно было разобрать отдельные слова:

«Что вы хотите знать?»

Лия почувствовала, как её сердце замирает, а потом начинает биться так сильно, что кажется, будто оно хочет вырваться из груди. Она шагнула вперёд, к чаше, и произнесла, стараясь, чтобы голос не дрожал: — Кто вы? Что вы делаете здесь?

Тень в чаше шевельнулась, и голос ответил — теперь чётко, почти ласково, как будто ей делали одолжение:

«Мы были здесь всегда. Мы — память этого места. Мы — те, кого забыли, но кто не забыл. А ты... ты пришла,

чтобы вспомнить. Или чтобы стать частью памяти».

Миша застонал, уткнувшись лбом в землю: — Оно смотрит... я чувствую, как оно смотрит мне в затылок.

Толик, который до этого стоял неподвижно, вдруг сорвался с места и бросился к краю круга. Но не успел он сделать и трёх шагов, как земля под его ногами будто провалилась, и он рухнул, хватаясь за воздух. Когда он поднялся, его глаза были широко раскрыты, а лицо — белым, как мел. — Мои руки... — прошептал он. — Мои руки... они не мои.

Лия хотела броситься к нему, но тень в чаше вдруг вытянулась вверх, превращаясь в высокую, тонкую фигуру — не такую, как та, что они видели днём, а более плотную, более реальную. Фигура подняла руку, и в её ладони вспыхнул маленький огонёк, похожий на тлеющий уголь.

— Остановись, — тихо сказала Анна Петровна, но теперь в её голосе не было силы. — Ты уже дала ему то, что он хотел. Теперь он берёт остальное.

Фигура сделала шаг к Лие, и та почувствовала, как холод проникает под кожу, как будто её кровь становится льдом. — Что... что ему нужно? — прошептала она.

Огонёк в руке фигуры разгорелся ярче, и голос прозвучал прямо в её голове, минуя уши:

«Твоё имя. Твою память. Твой страх. Всё, из чего ты сделана. И когда ты отдашь это, ты станешь частью круга. Ты будешь стоять здесь, как эти камни. И будешь ждать следующего, кто придёт спросить».

В этот момент Анна Петровна бросилась вперёд, схватила глиняный колокольчик и с силой потряхнула его. Звон был резким, пронзительным, будто он разрезал саму тьму. Фигура замерла, её очертания дрогнули, и на секунду Лия увидела за ними что-то другое — не демона, а множество лиц, переплетённых друг с другом, как корни старого дерева.

— Уходите! — крикнула Анна Петровна, её голос теперь звучал твёрдо, почти яростно. — Сейчас! Пока он не успел схватить!

Лия схватила Мишу за руку, Толик сам бросился к ним, и они побежали, спотыкаясь о корни, падая и снова поднимаясь. Когда они выскочили на тропу, Лия оглянулась — и увидела, как каменный круг медленно поворачивается, как огромная ржавая шестерня, и как тень между камнями становится всё плотнее, готовясь к новому дню, к новым гостям.

Они бежали до самого дома, не останавливаясь, не оглядываясь. Только когда дверь захлопнулась за ними, и Анна Петровна трижды перекрестила порог, они позволили себе остановиться.

Миша сидел на полу, прижимая ладони к вискам. — Я слышал, — прошептал он. — Я слышал, как оно называло меня по имени. Но это было имя, которого у меня никогда не было.

Толик смотрел на свои руки, будто всё ещё не верил, что они снова стали его. — Оно хотело забрать нас, — сказал он. — По кусочкам. Сначала память, потом имя, потом... всё

остальное.

Лия стояла у окна, глядя в темноту, и чувствовала, как внутри неё что-то изменилось. Она знала теперь: они не победили. Они просто успели убежать. А Белиал — или то, что жило в круге — остался ждать. И он будет ждать долго.

Глава 4. Школа на краю болот

К утру Пустозерье будто стёрло следы их ночного похода. На земле не осталось ни отпечатков, ни сломанных веток. Даже тропа к каменному кругу теперь выглядела так, будто по ней годами никто не ходил: корни переплелись, трава встала стеной. Но внутри у каждого что-то изменилось — и это нельзя было спрятать за обычной усталостью.

Лия сидела за столом у Анны Петровны, крутила в пальцах пустую чашку и пыталась собрать мысли. — Здесь не просто «старое место», — сказала она, скорее себе, чем старухе. — Здесь кто-то... управлял этим. Кто-то знал, как звать и как останавливать.

Анна Петровна молча подкладывала в печь поленья. Пламя вспыхнуло, и на секунду её лицо стало старше, будто огонь высветил прожитые годы. — Управляли, — наконец сказала она. — Не здесь. В школе.

Миша, который до этого смотрел в окно, резко обернулся: — В какой школе?

— В той, что на болотах, — спокойно ответила Анна Петровна. — Её давно закрыли, но она стоит. И те, кто её строил, знали, как работать с тем, что тут живёт.

Школа оказалась не просто заброшенным зданием — она выглядела так, будто её специально спрятали. Дорога к ней шла через заболоченные низины, где вода стояла чёрной,

неподвижной, а воздух был густым, как кисель. Деревья здесь росли редко, и стволы их были покрыты странным сероватым налётом, будто плесенью, которая не хотела умирать.

Здание стояло на небольшом возвышении — длинное, двухэтажное, из красного кирпича, потемневшего от времени. Окна были заколочены, но кое-где доски держались криво, будто их ставили в спешке. Над входом висела табличка с полустёртой надписью: «Школа 12. Основана 1927». Но под ней, на самой стене, кто-то вывел мелом неровные буквы: «Не зови. Не стой. Не смотри».

Толик остановился, не доходя до крыльца, и тихо пробормотал: — Это уже не деревня. Это... учреждение. Как будто тут всё делали по инструкции.

Лия кивнула. Именно это её и пугало больше всего: не хаос Пустозерья, а ощущение, что здесь был порядок. Холодный, расчётливый порядок, в котором вызов демона — это урок, а жертва — лабораторная работа.

Внутри пахло пылью, старой краской и чем-то кислым, будто где-то давно пролили уксус и не стали убирать. Коридоры были узкими, с высокими потолками, и эхо здесь звучало не как обычный отзвук шагов, а как будто кто-то повторял их за спиной — чуть позже, чуть тише.

Они шли по коридору, заглядывая в классы. Парты стояли рядами, покрытые толстым слоем пыли. На досках мелом были выведены не формулы и не даты, а странные схе-

мы: круги, пересекающиеся линии, символы, похожие на руны, но с геометрической точностью. В одном классе на стене висела карта района, и на ней красными точками были отмечены места — каменный круг, дом Анны Петровны, ещё несколько безымянных точек в лесу. От каждой точки к школе тянулись тонкие красные линии, как нити.

Миша остановился у карты, провёл пальцем по одной из линий. — Они всё соединили, — прошептал он. — Это не школа. Это узел.

В учительской они нашли архив. Старые папки, перевязанные бечёвкой, с аккуратными надписями: *«Практические занятия, 1953–1955»*, *«Отчёты по полевой работе»*, *«Материалы комиссии»*. В одной из папок Лия нашла пожелтевший лист с заголовком: *«Методика вызова и удержания. Уровень III»*. Под ним — список требований: *«Объект: стабильный. Время: полночь. Жертва: символическая либо реальная. Контроль: обязательный. Наблюдатель: не менее двух лиц с подтверждённой устойчивостью»*.

Толик, который стоял рядом, тихо присвистнул: — «С подтверждённой устойчивостью» ... Это как медосмотр перед вызовом демона?

Лия листала дальше и нашла фотографию. На ней — группа людей в строгой одежде, стоящих перед школой. Лица у них были спокойные, почти отстранённые, будто они позировали не для памяти, а для отчёта. В центре — мужчина в очках, с папкой в руках. На обороте карандашом было напи-

сано: *«Преподавательский состав. Руководитель — проф. В. К. Орлов».*

Миша вдруг поднял голову, прислушиваясь. — Вы слышите? — спросил он. — Там, в подвале.

Из глубины здания доносился тихий, ритмичный звук — не шаги, не стук, а что-то вроде мерного постукивания, будто кто-то отбивал такт. Или сердце.

Они спустились по узкой лестнице в подвал. Здесь было холоднее, и воздух пах сыростью и металлом. Вдоль стен тянулись трубы, покрытые ржавчиной, а в центре комнаты стоял большой металлический стол — не хирургический, а скорее лабораторный, с креплениями по краям. На стене висели полки с банками, в которых плавали какие-то тёмные комки, завёрнутые в ткань. Рядом — шкаф с пробирками и этикетками, на которых были выведены не названия веществ, а короткие фразы: *«Голос 1»*, *«Память 3»*, *«Имя (фрагмент)»*.

Толик попятился к стене. — Это не школа, — хрипло сказал он. — Это... цех.

И тут из темноты в дальнем углу раздался голос — спокойный, размеренный, будто лектор начал занятие:

«Объект проявляет активность при наличии трёх условий: нарушение границы, произнесение формулы, добровольная жертва. В случае нарушения протокола последствия необратимы».

Все замерли. Голос шёл не от человека — он звучал из старого громкоговорителя, висевшего под потолком. Дина-

мик потрескивал, но слова были чёткими, будто запись сделали вчера.

Миша шагнул вперёд, к столу, и коснулся одного из креплений. Металл был холодным, почти ледяным. — Они удерживали его здесь, — прошептал он. — Или удерживали тех, кого он забирал.

Лия смотрела на полки, на банки, на схему на стене — и понимала, что перед ними не культ и не деревенские суеверия. Перед ними была система. Холодная, методичная, профессиональная. И эта система работала десятилетиями.

Внезапно громкоговоритель щёлкнул, и голос произнёс другую фразу — теперь не из отчёта, а будто кто-то добавил от себя:

«Они думали, что управляют. Но объект всегда выбирает, кого слушать».

В этот момент из дальнего угла подвала, из темноты, выступила фигура. Не такая, как в каменном круге — эта была в длинном, тёмном пальто, с лицом, скрытым тенью. Она не двигалась резко, а просто появлялась то тут, то там, будто пространство само подкидывало её в разные точки комнаты.

Толик закричал и бросился к лестнице. Миша хотел последовать за ним, но ноги будто приросли к полу. Лия осталась стоять, чувствуя, как реальность вокруг становится тонкой, как бумага.

Фигура подняла руку, и из её пальцев потянулась та самая белёсая дымка, которая была в каменном круге. Но теперь

она не просто вилась — она складывалась в слова, которые появлялись в воздухе и тут же исчезали: *«Ты пришла. Ты знаешь. Ты согласна»*.

И вдруг Лия поняла: это не Белиал. Это кто-то другой — или другая сторона того же существа. Тот, кто работал с ним профессионально. Тот, кто думал, что может его контролировать.

Из темноты за спиной фигуры выступила Анна Петровна. Она держала в руках тот самый глиняный колокольчик и смотрела на фигуру без страха, но и без надежды. — Орлов, — тихо сказала она. — Ты думал, что закрыл дверь. Но ты оставил щель.

Фигура замерла. Дымка вокруг её пальцев дрогнула. — Анна... — голос прозвучал не из динамиков, а из самой фигуры. Он был усталым, почти человеческим. — Ты не должна была возвращаться.

— А ты не должен был оставаться, — ответила старуха. — Ты знал правила. Знал цену. Но тебе хотелось большего.

Орлов — если это был он — медленно опустил руку. Дымка рассеялась, но не исчезла полностью. Она осталась висеть в воздухе, как туман, который не хочет уходить. — Оно не слушает нас, — сказал он, глядя не на Анну, а куда-то сквозь неё. — Оно слушает тех, кто приходит. Тех, кто хочет знать.

Лия почувствовала, как холод проникает под кожу. — Что ты имеешь в виду? — спросила она.

Орлов посмотрел на неё, и в этот момент тень на его лице

сдвинулась, открывая черты — усталые, старые, но всё ещё властные. — Ты пришла спросить, — сказал он. — И оно услышало. Теперь оно знает, что ты здесь. И оно будет ждать, пока ты снова захочешь знать.

Анна Петровна резко тряхнула колокольчиком. Звон был резким, как удар, и фигура Орлова дрогнула, будто её контуры размылись на секунду. — Уходите, — сказала старуха, глядя на Лию, Толика и Мишу. — Сейчас. Пока он держит дверь открытой.

Они выбежали из подвала, поднялись по лестнице, выскочили в коридор, а потом — на улицу. Воздух снаружи был сырым, но живым, и Лия жадно глотала его, будто пыталась смыть с себя этот холод.

Когда они отошли от школы на безопасное расстояние, Анна Петровна остановилась и посмотрела на здание, которое теперь казалось просто старым, заброшенным домом. — Раньше тут учили, — тихо сказала она. — Сначала истории и математике. Потом — другому. Орлов и его люди думали, что могут приручить то, что живёт в Пустозерье. Они строили схемы, писали отчёты, ставили опыты. Но в какой-то момент объект перестал быть объектом. Он стал... учителем.

Миша тихо спросил: — И что теперь?

Старуха посмотрела на него долгим взглядом. — Теперь вы знаете, — сказала она. — Вы видели, как это делают «профессионально». И вы видели, чем это кончается. Дальше решать вам: хотите ли вы искать ответы дальше... или хотите

просто уехать и забыть.

Но Лия знала: забыть не получится. Потому что теперь она понимала — в Пустозерье нет просто «старых легенд». Здесь есть система, есть история, есть люди, которые пытались управлять демонами. И где-то в этой системе есть пробел, ошибка, слабое место — то, что позволит им вырваться. Или окончательно стать частью этого места.

Глава 5. Дневник Орлова

Они вернулись в школу на рассвете, когда туман ещё лежал на болотах плотным, почти осязаемым слоем. На этот раз шли молча, будто боялись спугнуть тишину — или, наоборот, боялись, что она ответит. Анна Петровна не пошла с ними: сказала, что её связь с этим местом и так уже слишком велика, чтобы снова переступить порог школы.

— Если найдёте что-то важное, — тихо сказала она, стоя у калитки, — не читайте вслух. Слова здесь умеют цепляться за голос.

В учительской было так же пыльно, но теперь Лия смотрела на вещи иначе. Не как на экспонаты забытого музея, а как на улики. Папки с отчётами она отложила в сторону — сухие протоколы не дадут того, что нужно. Ей хотелось понять не «как», а «почему». И главное — какую цену платили те, кто хотел знать больше.

На верхней полке шкафа, за стопкой старых журналов, она заметила потрёпанную тетрадь в тёмно-коричневом переплёте. На обложке не было названия, только выцветшие инициалы: «В.К.О.» и дата — «1953». Лия взяла её осторожно, будто тетрадь могла обжечь.

Толик стоял у окна, время от времени поглядывая на двор, будто ждал, что из тумана кто-то выйдет. Миша сел рядом с Лией, положил ладонь на обложку, будто прислуши-

ваясь к чему-то.

— Он писал это не для других, — тихо сказал Миша. — Он писал, чтобы не забыть, кем был.

Лия открыла тетрадь. Почерк был мелким, аккуратным, почти каллиграфическим — будто Орлов старался удерживать контроль даже в том, как выводит буквы. Первые страницы были сухими: расписание занятий, списки студентов, заметки о погоде. Но чем дальше, тем чаще встречались фразы, обведённые карандашом, подчёркнутые дважды, а иногда — перечёркнутые так сильно, что бумага протиралась до дыр.

Она начала читать вслух, но Миша резко накрыл страницу ладонью: — Не надо. Пусть будет просто, между нами.

И Лия стала читать про себя, а потом пересказывать остальным.

«12 октября 1954. Сегодня впервые понял, что знание здесь не даётся — его берут. И берут не книгами, не лекциями, не формулами. Берут частью тебя. Студентка К. хотела понять природу феномена. Она просила разрешения провести ночь у круга. Я отказал. Она сделала это без разрешения. Утром её нашли у тропы. Она не помнила своего имени. Только повторяла одну фразу: Оно сказала, что имя — это дверь. Через три дня она забыла, как говорить. Через неделю — как ходить. Её увезли в областную больницу. Диагноз: полная амнезия с моторной дисфункцией. Я записал это в отчёт как несчастный случай. Но знаю правду: она заплатила именем — и потеряла всё, что с ним связано».

Толик сглотнул, посмотрел на свои руки, будто проверяя, настоящие ли они. — То есть... имя — это не просто слово. Это... якорь.

Лия листала дальше. Страницы были испещрены схемами, набросками формул, которые не имели отношения ни к физике, ни к химии. Рядом — короткие заметки, похожие на самонапоминания: *«Не спрашивать зачем — это приглашение», «Тишина — не отсутствие звука. Это ожидание ответа».*

«23 ноября 1955. Мы думали, что можем управлять процессом. Разработали уровни доступа: I — наблюдение, II — участие, III — взаимодействие. Каждый уровень требовал подтверждения устойчивости. На деле это была оценка того, чем человек готов пожертвовать. Ассистент П. на уровне II спросил: А если я не хочу платить? Я ответил: Тогда ты не узнаешь. Он настаивал. В ту же ночь он исчез. Нашли его через два дня в подвале. Он сидел на полу, смотрел в угол и повторял: Я отдал год. Я отдал год. Теперь я должен ещё. Он имел в виду не время. Он имел в виду часть своей жизни — тот год, который перестал существовать в его памяти. Он не помнил, что делал, кого видел, о чём говорил. Как будто этот год вырезали из его биографии. И он чувствовал эту пустоту как долг».

Миша тихо выдохнул: — Жертва ради знания... Не кровь, не плоть. А время. Память. Имя. То, из чего мы состоим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.